

Б. ЛАВРЕНЕВ*

Дворец Кшесинской (1937)

С вокзала Андрей поехал на Петроградскую сторону. Трамвай шел, гремя и раскачиваясь. Мелькали дома, люди на тротуарах. Андрей цепко держал на коленях свой вещевой мешок с драгоценным грузом и разглядывал город.

Петроград облысел и потускнел за двухлетнее отсутствие Андрея. Дома казались потемневшими, ободранными и жалкими.

Что первым бросалось в глаза и что удивило Андрея — было обилие военных. Когда два года назад он уезжал на фронт, население Петрограда было еще обычным. Человек в военной форме попадался на улице редко, и Андрей даже радовался этому, потому что каждый военный мог оказаться офицером, а зевок в отдании чести мог привести к неприятностям.

---

* *Борис Андреевич Лавренёв* (наст. фамилия — Сергеев; 1891–1959) — русский советский прозаик, поэт, драматург, журналист, военный корреспондент. Во второй половине 1920-х годов входил в творческое объединение ленинградских писателей «Содружество» (вместе с Н. Брауном, М. Комиссаровой, В. Рождественским и др.). Автор широко известной повести «Сорок первый». Во время Финской кампании и Великой Отечественной войны был военным корреспондентом ВМФ. Лауреат двух Сталинских премий (1946, 1950).

Сейчас тротуары были густо закрашены цветом хаки. Это был почти основной цвет человеческой одежды. Солдаты, юнкера, офицеры вкрапливались в толпу целыми косяками. Андрей подумал: «Если бы не революция, так надо было б ходить, не отдирая руку от козырька, чтобы не вляпаться».

Он усмехнулся. Все эти беды, связанные с солдатским положением, провалились в тартарары и никогда больше не возникнут.

Он перевел взгляд на публику в вагоне. У двери, напирая колёнами на вещевой мешок, стояла хорошенькая розовая девушка. Встретив любующийся взгляд Андрея, она еще больше порозовела и чуть улыбнулась уголком губ. Андрей тоже покраснел и отвел глаза от девушки и в ту же секунду насторожился. Рядом с девушкой торчал долговязый субъект в коротеньком пиджачке, из рукавов которого выпирали длинные кисти с худыми грязноватыми пальцами. У субъекта были белесые воровские глаза, и он пристально смотрел на мешок Андрея. Андрей нахмурился и на всякий случай подтянул мешок поближе к груди. Солдаты, приезжавшие в полк из Петрограда, рассказывали, что в городе развелось видимо-невидимо воря.

А в мешке было целое сокровище. Когда в окопах получилась «Правда» с призывом редакции к рабочим и солдатам помочь материально своей большевистской газете, большевики дивизии созвали митинг. На митинге целым лесом рук приняли резолюцию — отдать «Правде» георгиевские кресты и медали. У снарядного ящика, изображавшего трибуну, сели члены большевистской фракции дивизионного комитета записывать сносимые солдатами регалии. К вечеру в списке значилось девятьсот тридцать крестов и медалей, из них больше сотни золотых.

Наутро Андрей выехал в Петроград, командированный комитетом, напихав кресты и медали в мешок. Вес оказался солидный, больше пуда. В вагоне Андрей спал, положив мешок под голову. Было неудобно, проклятые кресты сквозь брезент старались проколоть затылок своими углами, но пришлось терпеть. Оставлять такой груз на багажной полке было рискованно. Комитет дал Андрею наказ сдать собранные ценности в Петроградский комитет партии.

Трамвай глухо гремел по настилу Троицкого моста. Синяя Нева медленно и величественно катилась под устои. Белые огромные облака висели над Петроградской стороной. Андрей встал и выбрался на площадку. Трамвай летел, визжа, с уклона. Остановка. Андрей соскочил с подножки, вскинул на спину мешок и двинулся к дворцу Кшесинской. Дорогу спрашивать не приходилось. Андрей знал Петроград, как свою ладонь. Но едва он отошел не-

сколько шагов от остановки и кинул взгляд на издавна знакомый облицованный изразцами невысокий особняк за темной зеленью бульвара, как остановился в недоумении и тревоге. Вся мостовая на проезде бульвара и самый бульвар были заполнены несметной толпой, глухо гудевшей и колыхавшейся. То тут, то там над головами поднимались отдельные люди. Они размахивали руками, били себя в грудь. Видимо, кричали, но крика за общим гулом не было слышно.

Андрей растерялся. Он привык к совершенной безлюдности этого проезда. Он запомнил это с детства. Против особняка всегда стоял огромный городской, весь в медалях, охраняя покой стареющей любовницы императора. Здесь запрещалось проезжать наемным извозчикам и нельзя было останавливаться на тротуаре. Андрей всматривался. В чем дело? Почему такая толпища? Может быть, какая-нибудь беда?.. Нагрянули юнкера или еще какая-нибудь сволочь.

Но тогда нельзя соваться в дом. Заберут или отдюют в лучшем случае, но главное — кресты отнимут. Этого нельзя было допустить ни в коем случае. Андрей стоял посреди мостовой, не зная, на что решиться. К нему подошел невзрачный мужчина с красной повязкой на рукаве, украшенной буквами «ПНМ», — милиционер. На ремне у него ненужно висела ободранная винтовка. Милиционер поглядел на Андрея и осторожно спросил:

— Разыскиваете кого, товарищ?

Андрей в секунду оценил милиционера. Нет, не шпик. И, оценив, решительно спросил:

— Чего это там тамаша такая? Кого раздавили или карманника поймали?

Милиционер хмуро покосился в сторону дворца и с раздражением сказал:

— Ты с неба свалился, солдатик, что ли? Это ж дворец Кшесинской... Тут большевики засели. И народу толчется гибель. Самый беспокойный пост — того и гляди, стрелять начнут.

Андрей усмехнулся. Значит, все благополучно и можно идти. Он кивнул милиционеру. И в ту же минуту услышал автомобильный гудок за спиной. Он обернулся. По натертым, пахнущим смолой торцам бесшумно шла большая, блестящая, новехонькая машина, так непохожая на облупленные фронтовые развалины. Над радиатором ее вился цветной красивый флажок. В автомобиле Андрей различил девушку в форме сестры милосердия, пожилую даму и господина с нерусским длинным лицом, со свислыми блеклыми усами. На голове у господина блестел мягко и тепло атласный плюш цилиндра. Машина шла очень медленно, и Андрей увидел,

как господин, взглянув на дворец балерины, брезгливо поджал губы и что-то сказал девушке, видимо злое и насмешливое. В пустых глазах девушки тоже вспыхнула злорадность, смешанная с испугом. Машина прошла. Андрей сразу понял седоки злы и боятся этой толпы и этого дома. Ему стало весело.

— Щекочет буржуев, — сказал он милиционеру, кивая на дом. — Видал, как морду перекосило?

— Ему чего, — лениво ответил милиционер, — его дело староннее. Это английский посол. Каждый день тут на прогулку к островам ездит.

Андрей втиснулся в толпу у дома и, работая локтями, стал продираться к парадной двери. На него огрызались и шипели, но он отталчивался и упорно пробивался вперед. На крыльце его остановил высокий парень, по виду рабочий, откуда-нибудь с Выборгской стороны. На поясе у него висел наган. Андрей вынул из кармашка гимнастерки мандат. Парень прочел и приветливо улыбнулся.

— Валяй! Хорошее дело. В зал зайдешь, там кого-нибудь спросишь.

Андрей пошел в вестибюль. Здесь была такая же толчея, как и на улице. По лестнице носились люди с кипами бумаг в руках. Они прыгали через три ступеньки. Спросить их о чем-нибудь было невозможно. Пока Андрей выговаривал первое слово вопроса — встречные уносились вихрем и на смену им пролетали новые. Здесь не жили, а кипели. Это был дом, яростно ненавидимый буржуазией и военщиной и беззаветно любимый рабочими и солдатами Петрограда. Одни проходили мимо, сжимая кулаки и мечтая о часе, когда можно будет уничтожить это проклятое гнездо. Другие шли сюда, как домой, со своими нуждами и печалью, со всеми недоуменными вопросами, которых так много ставила перед ними революция. Сюда шли с фабрик и заводов Васильевского острова и Выборгской стороны, из-за Обводного канала, с Лиговки и Волкова, с Голодая и из порта, из казарм бронедивизиона и гренадеров, из кирпичной тюрьмы балтийского экипажа. Шли с резолюциями, с требованиями, по делу и просто так, чтобы потолкаться в этих кипящих комнатах и вдохнуть воздух, пахнущий бодростью и бурей. Сюда привезли на броневике с Финляндского вокзала Ленина, который, не отдохнув, бросился в бой. Сюда по ночам стреляли в освещенные окна из-за верков Петропавловской крепости. Сюда приходили анонимные письма, полные бешенства и страха. Здесь был главный штаб начинавшейся величайшей войны пролетариата.

Андрей втиснулся в белый светлый зал, заднюю стенку которого составляло сплошное окно зимнего сада. Тут было не-

много попросторней, но та же беготня. В зале стояло несколько столов. Сидевшие за ними были густо обложены посетителями. Все шумело, гудело, наполняло зал немолчным голосом. Андрей растерянно озирался, не зная, к кому подойти; у кого спросить. В эту минуту из боковой двери вышел человек невысокого роста, в сером костюме, держа в руке листок бумаги. Шел он неторопливо, не так, как другие. Губы его под небольшими усами шевелились, как будто он читал про себя написанное на листке. Лицо его показало Андрею странно знакомым. Человек остановился в двух шагах от Андрея и, подняв голову, обвел взглядом суматоху зала. Андрей воспользовался его остановкой и спросил:

— Слушайте, товарищ. Куда мне сунуться? Я с фронта приехал. Привез кресты дивизии для кассы «Солдатской правды». А тут такая толчея, что не знаешь, куда руки-ноги девать.

Человек прищурился, разглядывая Андрея с мягкой улыбкой.

— Много крестов? — спросил он, заглатывая букву «р».

Андрей брякнул мешком об пол. Обеспокоенные «георгии» ответили дребезгом.

— За девятьсот. Пудик с гаком.

Человек в сером костюме засмеялся.

— Это хорошо... Целый банк в мешке. Пойдемте.

Он взял Андрея за руку и повел на возвышение зимнего сада. У стеклянной стенки сидел за столом плотный, опушенный круглой бородкой, с добрыми и усталыми серыми глазами, добродушно и терпеливо отвечая на вопросы толпившихся у стола солдат. Человек в сером подвел Андрея к столу.

— Михаил Васильевич, — сказал он, — примите товарища. Он с фронта. Привез кресты, пожертвованные товарищами солдатами для «Солдатской правды». Целый мешок. Примите и поговорите с ним о фронтовых делах.

Сидевший за столом спросил Андрея, откуда он, какой дивизии, давно ли приехал. Удивился мешку и приказал поставить его у окна.

— А не сопрут? — усомнился Андрей.

— Нет. Пока я сижу, будьте спокойны, — засмеялся Михаил Васильевич, продолжая расспрашивать Андрея.

Андрей отвечал спокойно и точно. Михаил Васильевич записал некоторые ответы Андрея в блокнот и спросил, долго ли он пробудет в Петрограде.

— Перед отъездом зайдите, я вам литературы подброшу, — закончил он и протянул руку Андрею.

Андрей постоял в нерешительности и вдруг выпалил:

— Я вот насчет того... нельзя ли как-нибудь товарища Ленина повидать.

Михаил Васильевич поднял на него удивленные глаза.

— Так вы же его только что видели, товарищ.

— Где? — спросил Андрей, недоумевая.

— Да вы же с ним ко мне подошли. Товарищ Ленин нас и познакомил.

Страшная обида ударила в сердце Андрею. Он тяжело задышал и зло сказал Михаилу Васильевичу:

— Какого же черта вы мне раньше не сказали!

Михаил Васильевич вскинул голову и хотел рассердиться. Но, увидев отчаянное лицо Андрея, засмеялся.

— Вот чудак, — сказал он, — откуда ж я знал, что вы не знакомы. Идут под ручку, я думал — приятели... Да ничего, вы не расстраивайтесь. Приходите вечером сюда. Владимир Ильич говорить с балкона будет. Вот тогда не только увидите, но и услышите.

Андрей отошел от стола, проталкиваясь к выходу и внимательно оглядывая встречающих. У него была надежда еще раз увидеть Ленина. Но Ленина больше не было. Андрей с досадой вышел из дворца, чтобы съездить пообедать. Он решил обязательно вернуться сюда и простоять хоть всю ночь, лишь бы послушать Ленина.